

ЕВРОПА-2014

ВОЗМОЖНО ЛИ НОВОЕ НАЧАЛО?

Вклад, вносимый опытом

Накануне выборов в Европейский парламент, намеченных на 25 мая, кажется, что общественное мнение разделилось: одни склоняются к выходу из Евросоюза, другие полагают голосование бессмысленным, поскольку фактически их голос ничего не изменит. Есть и те, кто поддерживает ЕС, однако преобладающим является чувство неудовлетворенности. Европа выглядит уже не как центр, а как периферия глобализованного мира. Но, если следовать за папой Франциском, разве не способно **пребывание или ощущение себя на «периферии»**, воспринятое глубоким образом, **стать возможностью для возвращения к положительному подходу** и дать нам шанс на изменение?

Какими факторами обусловлена подобная возможность?

Европа возникла и развивалась в свете немногочисленных великих фактов, отметивших мировую историю и задокументировавших значение христианской веры для жизни людей. Отец Джуссани напоминал о них в 1986 году:

- «Ценность **личности**, совершенно немыслимая в рамках всей мировой литературы;
- ценность **труда**, который во всей мировой культуре, начиная с древности и вплоть до Маркса и Энгельса, считался рабством, тогда как Христос называет труд деятельностью Отца, Бога;
- ценность **материи**, то есть устранение дуализма между благородными и неблагородными проявлениями жизни природы;
- ценность **прогресса**, ценность времени – как категории, исполненной смыслом, поскольку представление об истории нуждается в идее о разумном замысле;
- **свобода**. Человек не в состоянии воспринимать себя свободным в полном смысле: раньше его не существовало, а теперь он есть и потому зависим. Это неизбежно. Альтернатива крайне проста: человек зависит либо от того, что творит реальность, иными словами, от Бога, либо от случайных движений реальности, иными словами, от власти».

1. Ценность Европы – единство

В свете этих немногочисленных великих фактов, которые в ходе истории заложили фундамент Европы, возникает проект объединенной Европы. Хулиан Каррон подчеркивает:

«Что вселило в отцов-основателей Европы готовность говорить друг с другом, созидать нечто сообща, особенно после Второй мировой войны? Понимание невозможности устранить противную сторону позволило им стать менее самонадеянными и менее несгибаемыми в диалоге, осознать собственную нужду. Они начали допускать возможность **восприятия другого – во всей его инаковости – как некоего ресурса, как блага**» (*La Repubblica*, 10 апреля 2013 г.). **В период после Второй мировой войны лидеры трех стран, которые до недавнего времени сражались друг против друга** (Де Гаспери, Шуман, Аденауэр) решают отказаться от любого стремления к возмездию или превосходству и **закладывают основы для долговременного мира**, сводя воедино взаимные экономические интересы.

Чтобы понять исключительное значение того, что произошло с Европой в тех затруднительных обстоятельствах, достаточно подумать о последствиях Первой мировой войны, наполеоновских или религиозных войн: итогом никогда не становился подлинный мир, а лишь непреходящее напряжение, готовившее почву для будущих войн. Единая Европа возникла на основании одного точного и конкретного факта – договора 1951 года о Европейском объединении угля и стали, который был признан всеми как пример нового способа взаимоотношений. В зарождении первого европейского проекта власть идеала сыграла решающую роль, способную изменять ход событий. В отличие от дня сегодняшнего, в тот момент цель не ограничивалась лишь экономикой. На самом деле экономическое соглашение стало первым шагом на пути к куда более великой цели: миру (партнеры, ведущие совместную деятельность и торгующие друг с другом, как правило, не воюют), а вместе с миром – к взаимной помощи, позволяющей каждому стремиться к благу – личному и общему.

Преследование этой цели получило новый толчок во втором историческом шаге современной Европы, имевшем место в 1989 году при падении Берлинской стены и также охарактеризованным силой идеала. Мало кто верил – как на Востоке, так и на Западе – в возможность преодоления мирным путем раскола Европы на два блока, который столь драматичным образом обозначил историю Старого Света. Вацлав Гавел, будущий первый президент посткоммунистической Чехословакии, в книге «Сила бессильных», опубликованной в 1979 году, утверждал, что проблема социально-политической жизни заключалась в господстве лживой идеологии, а подлинный ответ – не в жестоком восстании, не обычных политических реформах или в простом преодолении тоталитаризма и обращении к парламентской демократии, но **в жизни, личной и социальной,**

определяемой поиском истины. Свидетельство Гавела очевидным образом демонстрирует, что историю меняют те факторы, которые проходят через человеческое сердце.

2. Кризис

Нынешний кризис «европейского сознания», сопровождаемый кризисом экономическим, показывает: то, что дало жизнь единой Европе, больше не является некой очевидной данностью, предпосылкой, которую все признают условием, необходимым для принятия вызовов реальности. Подобно тому, как это произошло в прошлом, мы, европейцы, живущие в 2014 году, **должны вновь отвоевать причины единства, которое ничуть не является само собой разумеющимся и может постоянно приходить в упадок.** Действительно, как утверждает Бенедикт XVI, «прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере. В области же этического знания и принятия нравственных решений подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново. **Свобода предполагает, что в принятии основополагающих решений каждый человек и каждое поколение являются новым началом**». Благодаря сегодняшним затруднениям мы осознаем: «даже лучшие структуры функционируют лишь при условии, что в обществе живы убеждения, способные мотивировать людей к добровольному соблюдению общественного порядка» (*Spe Salvi*, 24).

Вот в чем заключается грандиозная возможность, которую кризис дает нам, европейцам: вновь обрести причины для нашего «общинного существования». Речь идет о настойчивом вызове, и его причину нам напоминает опять же Бенедикт XVI: «Поскольку человек всегда остается свободным, а его свобода – уязвимой, **окончательное установление царства добра в этом мире невозможно.** Тот, кто обещает лучший мир, который якобы будет длиться вечно, лжет и игнорирует человеческую свободу. <...> **Иными словами, благие структуры помогают, но их одних недостаточно. Человек просто не может быть искуплен извне**» (*Там же*, 24, 25).

Еще более затрудняет путь тот факт, что мы не осознаем так же остро, как отцы-основатели, сколь глубока человеческая нужда; идеал побуждает нас гораздо меньше, а господствующей стала логика, базирующаяся исключительно на интересах.

Единственный способ обрести новое сознание, в котором сегодня нуждается Европа, заключается в том, чтобы устремиться к истокам кризиса в попытке понять все факторы, его обуславливающие. Именно для нас, европейцев, жизненно важно способствовать реальной полемике по поводу настоящего и будущего Старого Света, оценивая при этом,

насколько сообразными природе кризиса оказались те попытки, что мы до сих пор сделали. И это в равной степени касается и экономики, и антропологических вызовов. Вообразить, будто мы можем разрешить серьезные антропологические проблемы, стоящие перед нами, с помощью одних лишь юридических инструментов, – неэффективно и иллюзорно. **Перед лицом наиболее коренных проблем человеческого существования** становится ясно, что **решение «приходит не в непосредственном столкновении с проблемами, но в углублении природы субъекта, который с ними сталкивается»** (отец Джуссани, 1976 г.).

Забвение этого уровня лежит в основе человеческого кризиса, ослабившего осознание конечной цели. Так со временем средства (экономика, выгода, финансы) превратились в цель, а экономическое европейское единство – в чистый компромисс между заведомо противоречивыми интересами. И вновь появилась Европа, состоящая из государств, которые, хотя больше и не стреляют друг в друга из пушек, все же ведут войну с помощью экономических и финансовых орудий и расходятся во многих ключевых вопросах, таких как отношения со средиземноморскими странами, нелегальная иммиграция, государственные долги, миротворческие операции, солидарность в отношении партнеров, испытывающих затруднения.

Следствием ослабления движущей силы идеала и осознания конечных целей стали в том числе и изменения в функционировании Европы как института: европейские структуры переросли сами себя, часто непомерно раздуваясь и порождая своего рода технократических монстров, которые, кажется, готовы подчинить реальность собственным потребностям. Все больше распространяется и утверждается ощущение неэффективности европейских структур: если до 2008 года (то есть до взрыва финансового кризиса) суждение о надежности европейских институтов в сравнении с институтами национальными было положительным, то сегодня, согласно исследованиям, 70% граждан считают, что европейские структуры (Комиссию, Совет, Парламент) не соответствуют потребностям людей и социальной жизни.

По мнению Джозефа Вейлера, одного из самых авторитетных экспертов в области европейских динамических процессов, Европа испытывает политический дефицит. Нехватку подлинной политической жизни он объясняет нехваткой идеального измерения. Все было поставлено на экономику, но ей так и не был дан должный старт, а потому люди задаются вопросом: «Для чего еще нужна Европа?»

В то же время **развивается идея о Европе как о культурном и политическом пространстве, исполненном релятивизма, чьи структуры стремятся узаконить и даже**

сделать источником права любое индивидуальное желание, оторванное от понимания того, чем в действительности является человеческая личность.

В таком случае стоило бы признать, что правы скептики, которые хотят выйти из Евросоюза, полагая, будто мечты отцов-основателей разбиты и отброшены назад?

3. Личность как условие, необходимое для Европы

Существует ли выход? Да, и он состоит в том, чтобы вновь сделать отправной точкой позицию, которая породила Европу и европейское единство. Экономических интересов тут недостаточно: нужно опять открыть, что «другой является не препятствием, а благом для полноты нашего “я”, как в политике, так и в человеческих и общественных отношениях» (отец Каррон). Созидает лишь «любовь к тому отголоску истины, который обнаруживается в ком угодно. Он-то и является причиной мира, строительства человеческого жилища, дома, способного стать убежищем в случае крайнего отчаяния» (отец Джуссани, 1995 г.).

Возврат к сообразному пониманию человека и того, что является сущностным в становлении отдельных личностей и целых народов, может происходить в местах, где пробуждается «я», где в нем воспитывают адекватное отношение с реальностью (какой бы она ни была) и где его приучают на экзистенциальном уровне воспринимать важность, уникальность и святость любого человека. Здесь в игру вступают двухтысячелетний опыт христианской общины и все социальные реалии, вдохновленные идеалами – мирскими и религиозными. Лишь представление о человеке как о реальности, не подлежащей умалению, как об «отношении с бесконечным» (отец Джуссани) в состоянии объединить людей, относящихся к разным этническим группам, социальным слоям, культурам, религиям или политическим идеологиям, и привести к подлинной интеграции, побеждающей любое гетто и несущей прогресс.

На основе перечисленных потребностей необходимо начать широкий диалог о том, как Евросоюзу следует развиваться в ближайшие годы, вовлекая в него всех граждан и особенно представителей последних поколений, которые в огромном количестве покидают родные страны и чувствуют себя как дома в тех местах, куда отправляются на учебу или работу.

Вышесказанное находит важное отражение и на институциональном уровне. В речи, так и не произнесенной в римском университете Ла Сапиенца в 2008 году, Бенедикт XVI разделял мнение философа Юргена Хабермаса, который говорит, что «легитимность конституционной хартии проистекает из двух источников: равноправного политического участия всех граждан и из разумного подхода к решению политических споров. Этот “разумный подход”, отмечает

Хабермас, не может быть лишь борьбой за арифметическое большинство, он должен характеризоваться как **“процесс аргументации, чувствительной к истине”**», то есть **необходимо постоянное стремление отыскать любую искру истины, проскакивающую во встрече с другим**. В самом деле, истина никогда не находится в личном распоряжении индивида, который может размахивать ей, как дубинкой, перед другими, – она выявляется в динамике человеческой встречи: **«Истина – это отношение!** И потому каждый из нас улавливает ее и выражает, исходя из самого себя – своей истории и культуры, ситуации, в которой находится, и т.д. Это вовсе не значит, что истина изменчива и субъективна. Значит, что она дается нам всегда – и только лишь как путь и жизнь» (Папа Франциск. *Письмо Эудженио Скальфари*. La Repubblica, 11 сентября 2013 г.). Так побеждается релятивизм и спасается то, что релятивисты хотели бы превознести: отличие, инаковость.

Обращаясь к полному, неумаленному человеческому опыту, можно положить начало европейской политике, в основе которой будет уже не столкновение противоречивых интересов и релятивизм, стремящийся к нигилизму или к безразличию всех ко всему, но **использование разума, «чувствительного к истине», и реализм, признающий другого благом, а не угрозой**. Как пишет Папа Франциск, «наше усердие не состоит исключительно в действиях или в программах поддержки и помощи, оно заключается, прежде всего, во *внимании* к другому, “в восприятии его как единого целого с нами”. Такое внимание, исполненное любви, есть начало подлинной заботы о личности, отталкиваясь от которой я желаю действительно искать ее блага» (*Evangelii Gaudium*, 199).

В этом смысле европейские организации должны первыми **встать на путь структуризации, ведущий к настоящей субсидиарности**. Так можно было бы поощрять ответственность на всех уровнях (отдельных личностей, социальных групп, государств) и **избегать заблуждения, что ответы в любом случае всегда идут сверху**.

Европа, понимающая это, не закрывалась бы для иммиграции, не ограничивалась бы политикой жесткой экономии, но стремилась бы и к экономической солидарности, не поддавалась бы проявлениям национализма, противоречащим реальности и истории, не побуждала бы к разработке законопроектов, направленных на разрушение всех связей и насаждающих одержимость новыми правами для отдельных людей, не способствовала бы враждебности по отношению к различным вероисповеданиям – и, в частности, к христианству (неприятие которого можно назвать предательством того, благодаря чему Европа, собственно, появилась и стала великой в истории).

«Иногда я спрашиваю себя, кто в сегодняшнем мире на самом деле озабочен тем, чтобы **запустить процессы, создающие народ, больше, чем получением непосредственных**

результатов, которые легко приносят политическую выгоду, быструю и мимолетную, но не выстраивают человеческой полноты. Возможно, история будет судить их с помощью критерия, сформулированного Романо Гуардини: “Единственный способ успешно оценить эпоху заключается в том, чтобы спросить себя, в какой степени в эту эпоху, в соответствии с ее особенностями и *возможностями*, развивается и достигает истинной своей причины *полнота человеческого существования*”. <...> Будучи верующими, мы ощущаем близость к тем, кто, не относя себя ни к какой религиозной традиции, искренно ищет истину, добро и красоту, которые для нас находят высшее выражение и источник в Боге. Мы воспринимаем этих людей как ценных союзников в деле защиты человеческого достоинства, в созидании мирного сосуществования народов и в защите всего творения» (*Evangelii Gaudium*, 224, 257).

Вот в чем заключается основополагающий **вклад, который христианская вера может внести в общественную жизнь**, «расширяя разум», как напоминал нам Бенедикт XVI. **В том, чтобы воспитывать взгляд на реальность, учитывающий все ее факторы**, и таким образом возвращаться к изначальному идеальному порыву, который со временем утратил ясные очертания. Именно в этом состоит подлинная и неотложная насущная потребность.

Если Европа не останется глухой к подобному призыву, она сможет возродиться и надеяться на то, чтобы опять стать «новым миром», примером и образцом для всех. И вот вклад, который возрожденная европейская культура может внести в жизнь всего мира: выделить **центральное место вопросу о том, что необходимо делать, чтобы человеческое существо было и ощущало себя таковым.**

Март 2014 г.

«ОБЩЕНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ»